

Сташенков Д.А. (Самара)

РАСКОПКИ КАЙБЕЛЬСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА В 1953-1954 ГОДАХ

Николай Яковлевич Мерперт по праву считается одним из крупнейших специалистов в области археологии энеолита и бронзового века Восточной Европы. Наверное, в последние десятилетия трудно найти сколько-нибудь серьезную публикацию по этим эпохам, в которой бы не было ссылок на его работы. На этом фоне как-то забывается, что начало научной деятельности Николая Яковлевича связано с изучением другого периода — раннего средневековья, причем и здесь его вклад представляется значительным. Его кандидатская диссертация была посвящена анализу материалов из раскопок Верхне-Салтовского могильника, и в первых научных публикациях Н.Я.Мерперта рассматривались проблемы раннесредневековой археологии. Плодотворной оказалась и его экспедиционная деятельность на памятниках средневекового времени.

В 1953-1954 гг. II отряд Куйбышевской археологической экспедиции, возглавлявшийся Н.Я.Мерпертом, проводил исследование Кайбельского средневекового могильника. После этих раскопок появились полноценные археологические доказательства пребывания большой группы болгар на Средней Волге уже в VIII в. н.э. Первые результаты исследований были оперативно введены в научный оборот (Мерперт, Смирнов, 1954), и сегодня без ссылок на них невозможна сколько-нибудь серьезная болгароведческая работа обзорного характера. Вместе с тем судьба памятника и коллекции из его раскопок сложилась очень непросто. По независящим от Н.Я.Мерперта причинам в полевой отчет вошло только суммарное описание исследованных комплексов (Смирнов, 1954. С.225-230), там отсутствуют полевые чертежи и фотографии, которые впоследствии были утрачены. Коллекция из раскопок оказалась разрозненной, так как часть ее хранится в Национальном музее республики Татарстан (НМРТ), часть — в Ульяновском областном краеведческом музее (УОКМ)*. Часть материалов из раскопок была утрачена. Так, в фондах Ульяновского областного краеведческого музея не удалось обнаружить опись переданной Н.Я.Мерпертом коллекции из раскопок Кайбельского могильника. Но, судя по шифрам на сохранившихся сосудах, из средневекового комплекса происходило как минимум 23 предмета, из которых в наличии оказалось только 4 сосуда.

В личном архиве Н.Я.Мерперта сохранился полевой дневник 1953 г., который Николай Яковлевич несколько лет назад любезно предоставил мне для работы. Дневник дает представление не только о методике проведения полевых работ, но и о характере педагогической деятельности Н.Я.Мерперта. Записи в дневнике поочередно вели студенты-историки, участвовавшие в раскопках. Вероятно, этим обстоятельством вызваны некоторые огрехи в

---

* Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность зав. сектором археологии отдела фондов НМРТ Д.Г.Бугрову и главному хранителю УОКМ Ф.А.Долгову за предоставленную возможность работать с коллекцией из раскопок Кайбельского могильника.

описаниях комплексов, которые, несомненно, легко было бы восполнить полевыми чертежами, список которых приводится в конце каждого раздела. Вместе с тем многие наблюдения, имеющиеся в дневнике, были записаны именно со слов Н.Я.Мерперта (половозрастные определения погребенных, вывод о преднамеренном характере разрушения костяков, приводимые параллели с салтовскими материалами). В данной публикации дневник 1953 г. выступает в качестве первоисточника, поэтому описания комплексов из него приводятся с незначительными правками и сокращениями. Полевые материалы 1954 г. с описанием еще нескольких исследованных раннесредневековых комплексов (из курганов 12, 15) найти не удалось. В отчете о раскопках 1954 г. имеются планы двух раннесредневековых погребений и рисунки нескольких предметов из захоронений, которые воспроизводятся в настоящей статье, но текстовое описание их отсутствует.

Вероятно, изменение научных интересов Н.Я.Мерперта послужило причиной того, что подробной публикации комплексов из раскопок Кайбельского могильника так и не появилось. Более полно были изучены палеантропологические материалы памятника, которые вскоре после раскопок были опубликованы М.М.Герасимовой (Герасимова, 1956. С.146).

Публикация сохранившихся материалов из раскопок Кайбельского средневекового могильника имеет важное значение для поволжской археологии. Это не только очередное пополнение ее источниковой базы, но и восстановление справедливости, выражение того глубокого уважения, с которым относятся к Н.Я.Мерперту его многочисленные ученики и коллеги.

Кайбельский средневековый могильник располагался на невысоком плато, у подножья второй надпойменной террасы, в 1,5 км от Волги. Могильник входил в состав курганной группы, состоявшей из 2 гряд, тянувшихся от южного края села Кайбелы на ЮВ на протяжении 1 км в сторону д.Красная Звезда. Обе гряды возглавлялись большими курганами, относящимися к эпохе бронзы. В 1925 г. В.А.Городцовым в могильнике Красная Звезда были раскопаны 7 курганов и в могильнике у с.Кайбелы - 8 курганов эпохи бронзы (Каталог ..., 1988. С.59). В.А.Городцов при раскопках применял методику ряда квадратных колодцев, при этом значительная часть кургана оставалась нераскопанной. Материалы раскопок В.А.Городцова, хранящиеся в ГИМе (инв. 57797), опубликованы не были. Сведений о наличии в курганах погребений более позднего времени не имеется.

В 1953 г. II отрядом Куйбышевской археологической экспедиции, возглавлявшимся Н.Я.Мерпертом, были раскопаны 2 кургана срубной культуры. В насыпи одного из них (курган 9) были открыты 3 погребения, впущенные в насыпь в раннеболгарское время (68, предположительно 52, номер одного погребения неизвестен). Костяки лежали на спине, с протянутыми конечностями, при них найдены грубые горшки с защипами по венчику и бронзовая серьга в виде овального кольца с копьевидной подвеской. Планов и описаний погребений не сохранилось.

Большая часть раннесредневековых погребений занимала особую площадь вне больших курганов эпохи бронзы. Внешние признаки могил выражены чрезвычайно слабо: это очень низкие, сильно расплывшиеся холмики (высотой 0,10-0,15 м при диаметре 12-15 м), под каждым из которых находи-

лись одно или несколько погребений. В 1953 г. раскопано 8 курганов, под которыми открыто 13 погребений, 8 из них было разрушено «грабителями» или при сооружении хозяйственных ям в эпоху Волжской Болгарии (X-XIII вв.).

Могилы располагались в слое погребенной почвы или, чаще, в материке и имели вид узких прямоугольных ям, иногда с заплечиками и следами перекрытия деревом. Значительные следы дерева найдены и у самих костяков, что позволяет предполагать наличие гробов или обкладку деревом стен ямы. Неоднократно была встречена угольная подсыпка. Глубина ям - от 0,2 до 0,8 м от уровня материка (от 1 до 1,6 м от уровня погребенной почвы). Погребенные лежали вытянуто на спине, с протянутыми конечностями. Строгой закономерности в ориентировке их нет, но преобладающим направлением было юго-западное. При погребениях найдены оружие, украшения, конская сбруя, орудия труда, глиняные сосуды.

Описание комплексов (по дневникам Н.Я.Мерперта)

Курган 1 расположен в 500 м от села в центре курганной гряды. Поверхность круглого в плане кургана задернована. Насыпь сильно оплывшая, следов нарушения ее нет. Диаметр кургана 11,6 м, высота 34 см.

Насыпь кургана однородная, состоит из речных отложений и пойменной почвы. Курган, разделенный на 2 сектора — северный и южный, раскапывался 2 кольцевыми траншеями. После снятия дерна выемка земли шла по штыкам. В насыпи встречались кости домашних животных (коровы, барана), керамика, известняк, зольные пятна, уголь.

При разборке насыпи в центральной части кургана 1 в заполнении южного сектора на высоте 70 см над центром выявились остатки зольных скоплений и пережженной до красноты глины. Следы эти усиливались и перешли в сплошной завал кострища, которое продолжалась сплошным слоем до глубины 168 см.

На угольном слое открыты отдельные кости человека (бедренная кость, позвонок, 2 фаланги пальцев, две большие берцовые, две малые берцовые кости, ребра) и остатки глиняного сосуда.

Сосуд представлял собой лепной кувшин с поверхностью серо-коричневого цвета с плоским дном, округлым туловом, высоким горлом со сливом и одной вертикальной ручкой, изготовленный из глины с многочисленными примесями толченой раковины (рис.5, 1). Сосуд был разломан на несколько частей и опрокинут вверх дном.

На глубине 175 см под описанными выше костями найдены беспорядочно разбросанные 6 позвонков, 3 ребра, 2 обломка таза, нижняя челюсть, грудная кость, а также отдельные фрагменты описанного выше сосуда. Рядом находились 6 позвонков, половина таза, обломки 9 ребер, фаланги пальцев, малая берцовая кость, пяточная кость и 2 ключицы.

Ниже найдены: 3 позвонка, обломки двух ребер, бедренная, малая берцовая, лучевая кости, кусок полосы меча или кинжала.

Под описанным завалом, на уровне материка, открыты остатки костяка, лежавшего на спине, головой на СВ, по диагонали ямы квадратной формы, со стороны около 2 м.

Погребение имеет явные следы значительного нарушения, произведенного в более позднее время, когда мягкие ткани целиком истлели.

От костяка, первоначально лежавшего с вытянутыми конечностями, на месте сохранились лишь часть позвонков, часть таза и части костей ног. Череп сдвинут к северу и перевернут основанием кверху, нижняя челюсть была найдена в одном из описанных выше завалов. В завалах находились ребра, кости руки, грудная кость, ключицы, недостающая часть таза, берцовые кости правой ноги и фаланги пальцев. Нижняя часть позвоночника и часть таза лежали на своем месте. Бедра и голени ног тоже лежали на своем месте, вытянуто.

На этом же уровне на дне ямы найдены значительно смещенными фаланги пальцев, мелкие кости ребер и 6 позвонков, в одном из которых торчал обломок ножной кости барана. Вдоль правого ребра, начиная от головы, лежали остатки кинжала, при погребенном найдены также многочисленные куски перегнившего дерева, часть полосы железного меча и фрагменты описанного выше кувшина. Под костяком отмечена значительная угольная подсыпка.

Часть человеческих костей из отмеченных выше завалов принадлежала описанному костяку и могла быть выброшена грабителями, но ряд костей принадлежали другому костяку, никаких остатков которого на дне ямы не было.

Возможно, при совершении захоронения из центра кургана было выброшено другое, более древнее, погребение, относящееся скорее всего к эпохе бронзы.

Курган 2 находится недалеко к ЮЗ от кургана 1. Высота кургана круглой формы 23 см. Диаметр 12 м. Курган был разделен на 4 сектора.

В насыпи кургана во всех секторах были найдены кости коровы, барана, свиньи, лошади. В насыпи кургана часто встречались зольные пятна, в отдельных случаях с примесями угля и шлака. В центре кургана находилось большое зольное пятно. На глубине 120 см под ним находилось погребение.

Погребение 1. Остатки разрушенного погребения, совершенного в яме неправильной прямоугольной формы, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, обнаружены на уровне материка на глубине 120 см.

На уровне материка найдены: лопатка, 4 позвонка, обломки 4-х ребер, 2 плечевые и 1 лучевая кости, пяточная кость, отдельные фаланги пальцев, а также берцовая кость, расположенные вертикально и уходящие вглубь ямы.

Несколько ниже в яме был открыт беспорядочный завал костей человека. Череп лежал лицом вниз в центре ямы. Нижняя челюсть отделена от него. Таз был разломан на две части, находившиеся в разных концах ямы. Бедра лежали под углом друг к другу в восточной части ямы. Кости рук и берцовые кости лежали в ЮЗ части ямы. Позвонки, ребра и фаланги пальцев были разбросаны по всей поверхности. Малая берцовая кость рядом с бедренной и завалом позвонков и ребер находились в СВ части ямы. В яме встречаются остатки дерева. Костяк принадлежал молодому человеку лет 18–20. Сохранность костей хорошая. Около бедренной кости найдена лошадиная кость.

Курган 3. Диаметр кургана около 4 м, высота 5 см. Курган сильно расплылся по горизонтали. Поверхность кургана задернована. Следов нарушения

насыпи нет. Раскопки ведутся на квадратной площадке размером 5,2х4 м. Насыпь кургана однородная, почва пойменная.

После снятия 1 штыка по всей снятой площади обнаружены отдельные зольные пятна, а в западной части зольное пятно размерами 0,5х0,6 м шло на глубину 5 штыков. Встречаются кости животных и отдельные фрагменты керамики. В ЮВ части кургана на глубине 80 см были обнаружены 3 отдельные фаланги пальцев. На глубине 80 см в углу западной части кургана был обнаружен скелет человека.

Погребение 1. Кости находились в беспорядочном положении. Череп с отделенной нижней челюстью лежал лицом кверху. Кости конечностей, позвонки и ребра разбросаны. Таз разломан на две половины. Среди костей найден небольшой фрагмент сероглиняного сосуда. Около костей, с наружной стороны, встречались остатки дерева.

В восточной части кургана на глубине 140 см был найден человеческий костяк.

Погребение 2. Открыто в неглубокой материковой яме на глубине 140 см от 0. Яма шириной примерно 60 см, длиной около 200 см. В ряде мест отмечены следы дерева, возможно, остатки гроба. Костяк женщины 20-30 лет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Череп лицом кверху. Руки вытянуты вдоль туловища. Таз лежит развернуто. Ноги вытянуты. Заметных нарушений костяка нет, лишь отдельные позвонки сдвинуты с места. Череп имеет явно монголоидный облик.

При костяке найдены:

1) Рядом с черепом, слева от него, кувшин с круглым сильно раздутым туловом и высоким узким горлом, без ручки (рис.5, 2).

2) У правых височных костей 2 бронзовые височные подвески в виде овального кольца с навершием и подвеской со стерженьками для бусины.

3) Между ребер с правой стороны груди лежала большая бочонкообразная бусина из белой пасты с желтыми глазками.

4) У правого бедра - большое глиняное пряслице в виде блока.

5) Около головы найдены куски истлевшей кожи (остатки кожаного головного убора). При погребении найдено большое количество кусочков мела.

Погребение 3 открыто на поверхности материка в ЮЗ части площади на глубине 123 см.

Костяк разрушен грабителями или был расчленен умышленно. Кости разбросаны, значительной части их недостает (позвонков, ребер, части костей рук и пр.). Череп повернут основанием вверх, лицом к северу. Нижняя челюсть была отделена и найдена в полуметре от черепа. Рядом с черепом лежали две половины разломанного таза, часть лопатки, малая берцовая кость и несколько обломков ребер.

Южнее черепа лежали бедренная и большая берцовая кости, а также кости предплечий. Еще южнее лежали рядом бедренная и локтевая кости. Рядом с ними найдена костяная квадратная пластинка с отверстием в середине.

Курган 4. Поверхность задернована. Следов нарушения насыпи нет. Курган небольшой, имеет в плане правильную круглую форму. Курган сильно

расплылся по горизонтали. Высота кургана 4 см. Раскопки велись на квадратной площади размером 5x5 м. Погребения не выявлены.

Курган 5. Поверхность задернована. Следов нарушения насыпи нет. Курган небольшой, в плане круглый, с сильно оплывшей насыпью. Высота кургана 11 см. Раскопки велись на квадратной площади размером 5x5 м. Насыпь кургана однородная. Почва пойменная, сухая.

При снятии 1-3 штыков встречались фрагменты костей животных (коровы и барана), отдельные фрагменты лепной неорнаментированной керамики, известняк. Найден позвонок и обломок локтевой кости человека. Вокруг центра с С, З и Ю обнаружено 3 зольных пятна.

На 4 штыке к С и В от центра обнаружены 3 зольных пятна. В северной половине раскопа на расстоянии 80 см от центрального кола на глубине 80 см обнаружена локтевая кость человека. В этом же месте выявлены вкрапления золы, небольшие кусочки дерева.

В южной части кургана на глубине 90 см обнаружена челюсть коровы. Расстояние от центрального кола — 85 см. На расстоянии 1 м 20 см к В от нее найдена железная пряжка.

Погребение 1. В южной части кургана открыто погребение 1. От центра к В — 30 см. От центра к З — 140 см. Расстояние от линии центра 85 см. Длина погребения 170 см.

Костяк мужчины лежал вытянуто на спине с протянутыми конечностями, головой на З-ЮЗ, ногами на В-СВ. Сохранность костяка плохая. Кости истлели. Череп находился на правом боку, лицом на юг. Руки вытянуты вдоль туловища, таз лежит развернуто. Ноги вытянуты параллельно друг другу.

При костяке найдены: у предплечья правой руки череп коровы и ножная кость барана. У плеча левой руки и в левой части груди — ножные кости барана. У левого бедра остатки железного ножа и прямоугольный железный предмет (кресало?). У ступни левой ноги — железные кольчатые удила и остатки железного меча. У ступни правой ноги — большая прямоугольная железная пряжка. У ступней ног найдены остатки железных черешковых трехгранных наконечников стрел.

В восточной части ямы находились остатки двух стремян салтовского типа с высоким пластинчатым ушком.

В северной части раскопа расчищена локтевая кость человека. В 20 см к северу от нее обнаружен позвонок человека — на расстоянии 1 м на запад от центра и 1 м на север. Около него — остатки дерева. Остатки дерева зафиксированы и в СЗ и в В частях раскопа. В восточной половине раскопа обнаружены 4 зольных пятна.

Погребение 2. Открыто в северо-восточной части площадки в слое погребенной почвы на глубине 83 см. Оно представляло собой остатки детского погребения — череп с молочными зубами. Другие кости, очевидно, истлели и при погребении не обнаружены. Череп сохранился плохо. Около черепа находился горшок округлой формы с прогнутой горловиной и плоским дном. По венчику идет шипковый орнамент. В горшке имеются остатки содержимого. Около горшка зафиксированы зола и остатки дерева. Расстояние от центра 1 м 50 см, от восточной бровки 80 см.

Погребение 3. При зачистке материка в СЗ части площадки на глубине 1,09 м выявлено большое темное пятно могильной ямы длиной 2 м 40 см, шириной около 1 м, несколько расширяющейся к западу. Глубина ямы 54 см. По краям ямы и при расчистке самой ямы, особенно в ее восточном конце обнаружено много остатков дерева. В яме встречаются угли, зола, вкрапления материковой глины.

В яме найдены остатки полностью разрушенного костяка.

Часть костей (отдельные позвонки, крестец, разломанный на 2 половинны таз, кости одной из ног, 1 лучевая кость) находится в засыпи ямы почти на уровне материка. В восточной части ямы лежали кости другой ноги, фаланги пальцев, обломки ребер, в центре ямы – нижняя челюсть, позвонки, ребра и 2 лопатки. В западном конце ямы находились лучевая кость, малая берцовая кость, позвонки, фаланги пальца.

Курган 7 расположен в 6 м от кургана 2. Курган задернован, имеет почти круглые очертания. Диаметр кургана – 10 м, высота 31 см.

Курган разделен на 2 сектора – восточный и западный бровкой, проходящей с севера на юг.

Уже на глубине 15-20 см повсеместно начинают встречаться отдельные кости домашних животных (коровы, барана), фрагменты керамики, известняк.

Большая часть материала в кургане обнаружена в западном секторе, где найдено 2 пряслица. В южной части западного сектора отмечено большое зольное пятно.

На глубине 45 см в западном секторе зафиксированы остатки дерева. Примерно там же на глубине 1,1 м в западном секторе, на расстоянии 30-50 см от северной бровки, 230 и 270 см от центра встречаются остатки перегнившего дерева. В центре кургана на глубине 125 см отмечены скопления угля. На глубине 110 см от «0» найдены обломки сосуда и кости.

Погребение 1 выявлено на глубине 105 см в восточном секторе кургана в 340 см от центра к северу, от северного радиуса к востоку 30 см.

В погребении обнаружены разбросанные кости скелета плохой сохранности.

Судя по остаткам костей, скелет ребенка 10-12 лет лежал на левом боку, головой на З. Череп лежал на левом боку, лицом на СВ. В погребении найдено 2 бусины.

Погребение 2. В восточном секторе в 310 см к востоку от центра, на глубине 1 м обнаружена материковая яма, наполненная мягкой землей. Край ямы примыкает к восточному радиусу. В яме с глубины 15 см встречаются остатки дерева. На глубине 30 см зафиксированы остатки угля, золы и скорлупа от яйца.

На глубине 35 см на зольном пятне лежал скелет ребенка 5-6 лет. Кости скелета сильно обожжены. Костяк лежал на спине, головой на ЮЗ. Под сильно истлевшим костяком найдена серебрянная арабская монета 750-751 гг. с кufической надписью (Мерперт, 1957. С.35).

Погребение 3 вскрыто в узкой материковой яме длиной 2 м, шириной 50 см, глубиной 5 см. Судя по многочисленным остаткам дерева, погребенный лежал в гробу, или же деревом были обложены стенки ямы.

Костяк молодой женщины лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Череп лежал на правом боку. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая рука согнута в локте, кисть ее лежала в области таза. Ноги вытянуты параллельно друг другу. Сохранность костей плохая.

Погребение 4. Яма прямоугольной формы зафиксирована на уровне материка. Яма ориентирована на ЮЗ, длина ямы 2,5 м, ширина 1,5 м, глубина 30 см. В засыпи ямы открыты значительные скопления золы и угля, начавшиеся на уровне погребенной почвы. Кроме того, в яме на уровне, близком к погребению, найдено большое количество кусков дерева от гроба или древесной обкладки. Возможно, костяк был перекрыт кусками дерева, особое скопление которого отмечено у черепа. На дне ямы открыто погребение. Костяк, принадлежавший мужчине большого роста, лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Сохранность костей средняя. Череп раздавлен землей, руки вытянуты вдоль туловища, таз развернут, ноги вытянуты. В головах костяка положена ножная часть коровы. В ЮЗ углу могильной ямы за черепом найдены железные удила с эсвидными псалиями (рис.4, 3), а также одно стремя с высокой пластинчатой дужкой и широкой вогнутой пластинкой (рис.4, 1).

Около черепа слева был поставлен кувшин с шаровидным туловом, плоским дном, высоким горлом, одной ручкой, сливом и лошенной поверхностью (рис.5, 3). Справа от черепа находились 2 большие прямоугольные железные пряжки от конской сбруи (рис.4, 2).

В районе тазовых костей найден поясной набор, состоявший из литых бронзовых пряжки и 9 фигурных прорезных накладок с растительными узорами (рис.3, 1).

Вещи, найденные при погребении, характерны для салтовской культуры.

Раскоп 8 заложен на территории могильника, между курганом 3 с 3 и курганом 7 с В.

Размеры 5x10 м. Погребений не выявлено, исследован культурный слой поселения эпохи Волжской Болгарии (X-XIII вв. н.э.). Встречена болгарская керамика, кости животных, зольники.

Курган 10. Поверхность задернована. Следов нарушения насыпи нет.

Курган небольшой, в плане круглый, но с сильно расплывшейся насыпью. Диаметр кургана 10 м. Высота - 20 см.

Насыпь кургана однородная. Почва пойменная. Погребений не обнаружено. Встреченные на 1-7 штыках кости домашних животных (коровы, барана), фрагменты керамики, зольные пятна, железный нож, вероятно, относятся к слою более позднего болгарского поселения.

Инвентарь погребений

К сожалению, до настоящего времени сохранилась только часть коллекции из раскопок Кайбельского средневекового могильника. Хранится она в Национальном музее республики Татарстан (коллекция 12831) и в Ульяновском областном краеведческом музее (коллекция 11397). Сохранившиеся вещи удалось изучить и прорисовать, некоторые предметы известны только по иллюстрациям в отчете о раскопках 1954 г. (текст с описаниями погребений в отчете отсутствует), о некоторых имеются только упоминания в тексте отчета о раскопках 1953 г. и в публикациях 1954 г.

Весь инвентарь можно сгруппировать по несольким категориям.

Украшения представлены поясной гарнитурой, серьгами и бусами.

Поясной набор, состоявший из литых бронзовых пряжки и 9 фигурных прорезных накладок с растительными узорами в виде стилизованного трилистника (рис.3, 1). Пряжка находит массовые аналогии в материалах памятников VIII-X вв. — в Поволжье, в частности, они встречены в Танкеевском (Казаков, 1971. Табл. XIX, 22) и Тетюшском могильниках (Казаков, Халикова, 1981. Рис.16, 10; 1в, 4-5; 4, 54-55). Точных аналогий накладкам найти не удалось, однако из раскопок воинского погребения 2 кургана 1 Саловского I могильника в Нижнем Подонье происходит роскошный серебряный литой поясной набор, который мог послужить прототипом для кайбельского. В саловском поясном наборе, помимо пряжек и наконечника ремня, также находились бляшки, оканчивавшиеся прямоугольной рамкой. Щитки этих бляшек представляли собой орнаментальную композицию из двух перекрещивающихся изогнутых ветвей с листьями вытянуто треугольной формы. Имелись в составе набора и накладки в виде пальметты с отходящими от нее волнатообразными завитками (Иванов, Копылов, Науменко, 2000. Рис.3, 1-9). Создается впечатление, что кайбельский набор — более грубая копия саловского, и мастер, который изготовил кайбельские накладки, имел перед глазами более качественный прототип. Саловский комплекс относится к группе нижнедонских погребений под квадратными ровиками, в материальной культуре которых имеется ряд параллелей средневожским новинковским комплексами, хотя, возможно, новинковские комплексы в целом чуть более ранние. Важно отметить, что саловский комплекс хорошо датирован — в погребении найден византийский солид Льва III Исавра (717-741 гг.) (Иванов, Копылов, Науменко, 2000. С.86). Таким образом, мы получаем дату, наиболее вероятную для данного кайбельского комплекса, и, скорее всего, могильника в целом — середина-вторая половина VIII в.

Стоит отметить, что ряд исследователей считает, что детали поясной гарнитуры, изготовленные в стиле литья с ажурным орнаментом в виде ветвей, оканчивающихся трилистниками и гроздьями винограда, имеют крымско-византийское происхождение и датируются концом VII-VIII вв. В последние годы в Нижнем Поволжье, на Нижнем Дону и в Волго-Донском междуречье обнаружена целая серия выполненных в подобном стиле наборов, происходящих из погребений, совершенных в курганах с квадратными ровиками (Иванов, Копылов, Науменко, 2000. С.88).

Серьги - в виде овального кольца с шипом наверху и вытянутой или каплевидной подвеской (рис.3, 2). Точное число найденных серег неизвестно. Можно предположить, что их было не менее 3 экз. В публикации 1954 г. помещен рисунок 2-х «бронзовых височных подвесок в виде овального кольца с навершием и маленькой подвеской» (Мерперт, Смирнов, 1954а. С.29. Рис.2. С.37). До настоящего времени серьги не сохранились. Серьги относятся к «хазарскому типу». Аналогии им можно найти в памятниках конца VII - первой пол. VIII в. Приазовье, Поднепровье, Подонье. Наиболее массовая подборка подобных серег имеется в новинковских комплексах на Самарской Луке (Сташенков, 1997). В памятниках развитой салтовской культуры и раннеболгарских могильниках, изученных на территории Татарстана, серьги подобного

типа отсутствуют. На мой взгляд, подобные украшения не могут датироваться временем позднее VIII в.

Бусы - большая бочонкообразная бусина из белой пасты с желтыми глазами. Бусина не сохранилась, рисунок ее отсутствует.

Бусина бородавчатая (рис.1, 2). Известна только по рисунку в отчете, поэтому детальное описание ее дать невозможно. Наличие подобных бусин в комплексах Среднего Поволжья служит хорошим хронологическим маркером конца VII-VIII вв. Аналогичные бусы встречены в памятниках новинковского типа на Самарской Луке (Матвеева, 1997. Рис.125, 29-34; Сташенков, 2001. Рис.2, 4), причем в наиболее поздних новинковских материалах середины-второй половины VIII в. они единичны (Сташенков, 2001. Рис.4, 6). В более поздних комплексах в Поволжье они почти не встречаются. Так, например, единичны подобные бусины в Больше-Тарханском могильнике (Валиулина, 1996. С.139, 144. Рис.1, 52), ни одной подобной бусины не встречено в погребениях Больше-Тиганского и Танкеевского могильников.

Предметы вооружения.

Фрагмент клинка (меча? сабли? кинжала?) - кусок полосы меча или кинжала, остатки кинжала

Наконечники стрел - остатки железных черешковых трехгранных наконечников стрел. К сожалению, наконечники не сохранились, но, вероятно, это обычные для раннесредневековых кочевнических погребений крупные трехлопастные наконечники, подобные, например, встреченным при раскопках новинковских памятников на Самарской Луке.

Предметы конской сбруи.

Стремена - с выделенной в виде лопаточки петлей для путалища и плоской, несколько выгнутой подножкой. Подножка укреплена жгутом, проходящим по ее оси и снабжена треугольными и круглыми прорезями (рис.4,1). Аналогичные стремяна имеются в материалах могильников салтовского времени у п.Ленинский Путь в Краснодарском крае (Пьянков, 2001. Рис.1, 25), у с. Красная Горка в Харьковской области (Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996. Рис.4, 2-10), Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С.88, Рис.44) и Правобережного Цимлянского городища (Плетнева, 1994. Рис.42, 2-5), Новинковского II курганного могильника (Матвеева, 1997. Рис.59,7), Малоярзанского и Брусянского II курганного могильников на Самарской Луке (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис.28,2, Табл.XXXIX, 17), хотя для некоторых из указанных памятников более характерны стремяна подобного типа с тремя жгутами на подножке.

Удила - двусоставные с высокими пластинчатыми петлями и с S-овидными псалиями, один конец которых представлен в виде стилизованной головки животного (рис.4, 3). Псалии имеют в середине прямоугольное расширение от основного стержня с продолговатым отверстием для ремня. Удила имеют аналогии в материалах Новинковского II курганного могильника (Матвеева, 1997. Рис.116), Брусянского II одиночного кургана (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис.30), Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989, рис.38), могильника у с. Красная Горка в Харьковской области (Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996. Рис.4, 17-18). По мнению А.В.Комара, подобные удила с S-овидными псалиями характерны для горизонта I

салтовской культуры (раннесалтовский горизонт), датированного им в пределах 740-790 гг., но он же отмечает, что в Приуралье и на Алтае аналогичные псалии бытуют до сер. IX в. (Комар, 1999. С.128), как, впрочем, и на территории салтово-маяцкой культуры.

В тексте отчета имеются упоминания о находке железных кольчатых удил, но что именно имелось в виду, установить не удалось.

Две большие прямоугольные подпружные железные пряжки. Одна пряжка, сохранившаяся во фрагментарном состоянии, вероятно, относилась к группе железных подпружных пряжек с вертлюгом. Подобные пряжки известны в материалах Новинковского II курганного могильника (Матвеева, 1997. Рис.107, 1). Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. Рис.38). По мнению А.В.Комара, подобные пряжки датируются 2-й пол. VIII - первой пол. IX вв. (Комар, 1999. С.32), но, вполне вероятно, они бытовали и в более раннее время.

Вероятно, упомянутая в полевых материалах костяная квадратная пластинка с отверстием в середине, не сохранившаяся до настоящего времени, являлась частью обкладки луки седла (?).

Предметы быта.

Пряслица – «большое глиняное пряслице в виде блока». Само пряслице не сохранилось и его изображение отсутствует. Скорее всего, это лепное пряслице, подобное найденным преимущественно в кочевнических захоронениях хазарской эпохи. Наиболее близкие территориально памятники синхронного или более раннего времени, где найдены такие пряслица - памятники новинковского типа, расположенные на Самарской Луке.

В статье 1954 г. имеется также упоминание о находках костяных пряслиц (Мерперт, Смирнов, 1954а. С.37), однако, более никаких материалов, подтверждающих их наличие, найти не удалось.

Ножи – существуют упоминания о находках железных ножей в погребениях, но в музейных коллекциях они не сохранились, прорисованы они не были, видимо, из-за фрагментарности. Сведения о размерах и форме ножей в отчете отсутствуют.

В тексте отчета было упомянуто, что найденный в одном из погребений прямоугольный железный предмет, возможно, являлся фрагментом кресала.

Керамика.

Кувшины лепные. Сохранился один плоскодонный лепной кувшин серо-коричневого цвета с округлым туловом, высоким горлом и вертикальной ручкой (рис.5, 1; УОКМ 11397/18). Горловина кувшина имеет ойнохойевидный слив. Высота кувшина 27 см, диаметр венчика 10 см, днища – 10 см, максимальный диаметр тулова в его средней части 19,5 см. Толщина стенок 0,6 см. Сосуд изготовлен из глины с примесью толченой раковины. В процессе использования кувшин неоднократно реставрировался, о чем свидетельствуют 6 просверленных отверстий для соединения треснувших частей. При раскопках выявлены далеко не все части сосуда, и впоследствии кувшин был реставрирован (загипсован). Вероятно, подобные кувшины являются важным материалом для этнокультурной атрибуции памятника. Насколько мне известно, они не встречены ни в одном из раннеболгарских могильников на территории Татарстана, не известны они и в Прикамье и в хорошо

опубликованных салтово-маяцких памятниках (их нет, например, ни в Дмитриевском, ни в Маяцком археологических комплексах). Зато подобные кувшины встречены в материалах Новинковских I и II курганных могильников (Матвеева, 1997. Рис.48-49), что, несомненно, говорит о близости населения, оставившего эти памятники. Возможно, существует определенная связь между подобными лепными кувшинами и ойнохойями баклинского типа, которые часто находятся в синхронных памятниках Крыма (Баранов, 1990. С.77. Рис.5).

Кувшины круговые. Кувшин из погр.4 кург.7 имеет сильно раздутое, как бы прижатое к широкому дну тулово, высокую, сравнительно узкую шейку, одну вертикальную ручку, горло со сливом и двумя боковыми расширениями в виде трилистника (рис.5, 3). Поверхность его покрыта темносерым лощением, лощилом же по тулову нанесены два широких пояса косой решетки. Высота сосуда 21 см, диаметр тулова 15 см. Форма кувшина со всеми специфическими ее особенностями, пропорции его, и техника производства, и характер обработки и орнаментации поверхности - все это находит прямые аналогии как в самом Салтовском могильнике, так и в других могильниках салтовского типа. Известны подобные сосуды в материалах Новинковского I курганно-грунтового могильника, Брусянского II и Малорязанского I курганных могильников на Самарской Луке (Сташенков, 2001. Рис.46; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. Рис.37), в раннеболгарских памятниках на территории Ульяновской области и Татарстана.

Кувшин с круглым сильно раздутым туловом и высоким узким горлом, без ручки (рис.5, 2; НМРТ 12831/9). На горле имеются следы редкого вертикального полосчатого лощения. Высота сосуда 20 см, диаметр горловины 4 см, днища - 7,5 см, тулова в месте наибольшего расширения - 13,5 см. Поверхность сосуда тщательно заглажена. Данный сосуд стоит особняком в ряду керамических сосудов хазарского времени и был бы более характерен для эпохи Волжской Болгарии. Вместе с тем стоит отметить, что кувшины без ручки, хотя и иного типа, известны на памятниках хазарского времени на Самарской Луке (Сташенков, 2001. Рис.6,2), есть единичные экземпляры кувшинов без ручек и в Танкеевском могильнике (Казаков, 1971. Табл.1, 16).

В экспозиции Ульяновского областного краеведческого музея имеется еще один круговой кувшин с носиком-сливом, поверхность которого покрыта вертикальным полосчатым лощением (рис.5, 4), однако, определить место его находки не удалось. Скорее всего, он также происходит из Кайбельского могильника. Высота сосуда около 20 см.

Еще Н.Я.Мерперт отмечал, что "лощенные кувшины с одной ручкой, серо- и красноглиняные, и сосуды с раздутым туловом и узким горлом не увязываются с развитием исконных местных форм Среднего Поволжья, они связаны с керамической традицией более южных областей (Приазовье и Предкавказье), в которых начиналась история болгарских племен" (Смирнов, 1954).

Горшки. Грубые лепные горшки с пальцевыми защипами по венчику (рис.5, 5-7) найдены во впускных и детских погребениях. Подобные горшки, найденные, например, на Маяцком могильнике, В.С.Флеров считает характерными для Болгар (Флеров, 1989. С.53. Рис.3, 1). Стоит отметить, что в салтовских памятниках подобные лепные сосуды встречаются не часто, зато

в детских погребениях памятников новинковского типа на Самарской Луке они, наряду с бусами, являются основной категорией погребального инвентаря (Стащенко, 2001. Табл.3).

Культурно-хронологическая принадлежность памятника

Несмотря на фрагментарность дошедших до нас материалов из раскопок Кайбельского средневекового могильника, представляется возможным определить его место среди синхронных памятников Поволжского региона. Необходимо отметить, что 50 лет, прошедших с момента первой публикации материалов из раскопок памятника, принципиально ничего нового не добавили к тому, что было сказано Н.Я.Мерпертом о месте памятника среди древностей раннеболгарского времени. Естественно, что принципиально изменился объем источников, которыми сейчас могут оперировать археологи. Теперь Кайбельский могильник далеко не единственный крупный могильник этого времени в Поволжском регионе, и можно точнее определить его место среди других памятников региона.

Прежде всего, в данной статье уместно привести те заключения, к которым пришел Н.Я.Мерперт уже в ходе первичной обработки материалов из раскопок Кайбельского могильника. «Материал исследованных погребений представляет сочетание двух элементов. Первый элемент связан с культурой алано-булгарских племен - салтовской культурой. Отдельные вещи, характерные для салтовской культуры, известны на Средней Волге и в Прикамье давно, но салтовские комплексы открыты здесь лишь в последние годы. В 1950 г. Н.Ф.Калинин в могильнике Б.Тарханы открыл погребение с кувшином и подвеской салтовского типа. В 1950-1951 гг. П.Х.Михайлов близ Стерлитамака открыл могильник с салтовским оружием и украшениями, но в сочетании с местными круглодонными формами сосудов. В 1952 г. Н.Я.Мерперт близ Хрящевки открыл погребение с салтовским набором бус и серебряными подвесками, но опять-таки с круглодонным сосудом. Нигде, таким образом, еще не было на Средней Волге столь полного и ярко выраженного салтовского комплекса, как в Кайбельском могильнике. Здесь открыты не отдельные вещи, а комплекс, сочетание ряда важнейших признаков, характеризующих салтовскую культуру. В могильниках салтовского типа представлены два вида погребальных сооружений - подземные камеры и узкие грунтовые ямы, иногда с заплечиками и бревенчатым перекрытием. Второй вид представлен и в Кайбельском могильнике. Чрезвычайно важно сочетание в одних погребениях характерных форм сосудов с конской сбруей, поясными наборами, оружием, бронзовыми украшениями и бусами салтовского типа ... Форма кувшина из погр.4 кург.7 со всеми специфическими ее особенностями, пропорции его, и техника производства, и характер обработки и орнаментации поверхности - все это находит прямые аналогии как в самом Салтовском могильнике (напр., ГИМ, инв. 44717 - сосуд из раск. 1948 г.), так и в других могильниках салтовского типа. То же следует сказать о серьгах в виде овального кольца с шипом наверху и вытянутой или каплевидной подвеской. Подобных подвесок только в Салтовском могильнике найдено не менее ста, путь формирования этой формы прослеживается по материалу аланских могильников, начиная с первых веков н.э. Не меньшее распространение имели литые бляхи с растительным орнаментом в виде стилизованно-

го трилистника. Наибольшее число их найдено в Салтовском могильнике. Некоторые исследователи считают, что именно здесь следует искать центр, из которого они распространялись. Чрезвычайно характерны принадлежности конского снаряжения. Это стремена с пластинчатой петлей и плоской, несколько выгнутой подножкой, двусоставные удила с высокими пластинчатыми петлями и эсвидными псалями, один конец которых представлен в виде стилизованной головки животного, большие четырехугольные железные пряжки от конской сбруи. Этот комплекс конского убранства можно связывать с внедрением в материальную культуру Восточной Европы общекочевнического элемента; подобные формы были распространены на огромных пространствах от Манчжурии до Венгрии. Но в Восточной Европе принадлежности конского убранства получили специфическое оформление (особенно стремена) и вошли, как составная часть, в состав салтовского комплекса. Удила и стремена, тождественные кайбельским, найдены в Борисовском могильнике, близкие по форме - в Салтовском и других могильниках. Описанный конский убор является хорошим датирующим материалом: он появился к началу VIII в. (стремена этого типа сменили стремена восьмеркообразной формы и были в свою очередь заменены в X в.). В область Среднего Поволжья он, как и весь описанный комплекс, проник из более южных областей. Весь комплекс наших погребений может быть датирован VIII - началом IX века и является важнейшим свидетельством проникновения в это время в Среднее Поволжье из Приазовья болгарских племен, родственных аланам, унаследовавших ряд элементов сармато-аланской материальной культуры и воспринявших вместе с тем ряд черт культуры кочевых азиатских племен, последовательными волнами вторгавшихся в Европу на протяжении I тыс. н.э.

Кайбельский могильник расположен на основной территории расселения болгарских племен на Волге. Таким образом, за последние годы получен значительный археологический материал, необходимый для разрешения большой и важной исторической проблемы — проблемы происхождения и древнейшей истории племен, создавших первое государственное образование на Средней Волге и Каме - Волжскую Булгарию, сыгравшую столь значительную роль в этногенезе и становлении культуры ряда современных народов. Среди этого материала Кайбельский могильник имеет особенно большое значение в силу цельности представленных в нем комплексов. Он окончательно доказывает несомненную связь болгар с салтовской культурой и, вместе с тем, является веским свидетельством единовременного появления на Средней Волге большой и компактной массы болгарских племен” (Смирнов, 1954. С.227-230).

Как мы видим, эти выводы не утратили своего значения и сегодня. Естественно, что со временем часть предположений Н.Я.Мерперта подверглась корректировке. Так, дискуссионным и сегодня остается мнение о том, что “ранняя культура волжских болгар восприняла ряд местных элементов, связанных с древними производственными традициями исконного населения Средней Волги. Этим объясняется наличие в материале Кайбельского могильника второго элемента — керамики, унаследовавшей позднегородецкие формы, а также соответствующую технику производства и орнамента-

ции. Известно, что городецкая культура явилась значительным компонентом в формировании культуры волжских болгар”. Однако, если вспомнить, что в начале 1950-х гг. даже сама идея выделения “постгородецких памятников”, а затем и именьковской культуры только начинала завоевывать своих сторонников, а раскопок этих памятников еще не проводилось, то сама идея о вкладе “местного” населения в сложение раннеболгарской культуры выглядит вполне логичной.

Несомненно, что Кайбельский могильник — памятник, оставленный пришлым, новым для региона населением. Чтобы попытаться определить место, откуда была совершена миграция, нужно обратить внимание на несколько моментов.

Прежде всего отметим, что Н.Я.Мерпертом над погребениями были четко зафиксированы небольшие курганные насыпи. Сам могильник исследовался именно как курганный, и лишь тогда, когда автор раскопок не был уверен в наличии курганных насыпей, разбивался обычный раскоп, в котором, кстати, погребения не были выявлены. Этот момент важно отметить в связи с тем, что в последующих публикациях Кайбельский могильник иногда рассматривается как грунтовой. Наличие или отсутствие курганной насыпи — это значимый признак, который имеет принципиальное значение для определения места памятника среди синхронных ему археологических комплексов. Для VIII в. — времени, до которого можно сузить дату совершения захоронений в Кайбельском могильнике, подкурганные захоронения в Среднем Поволжье известны только на Самарской Луке (памятники новинковского типа, основная часть которых, видимо, прекращает функционировать во второй половине VIII в.) и в Ульяновской области (могильник Урень II). Остальные синхронные могильники, в основном расположенные на территории Татарстана — Больше-Тарханский, Больше-Тиганский, Тетюшский, несколько более поздний Танкеевский и другие памятники — грунтовые.

Еще один важный момент — в насыпи нескольких курганов (1, 7) были встречены известняковые камни. Не зная условий местного рельефа и не видя полевых чертежей, сложно судить о характере этих находок, но, вполне вероятно, что эти камни были использованы в погребальном ритуале, как использовались они в погребальной обрядности новинковцев на Самарской Луке. Аналогии этой специфичной детали в Поволжье очень немногочисленны.

Также очень важной деталью погребальной обрядности является разрушение погребений, проводившееся вскоре после совершения захоронений. Именно Н.Я.Мерперт обратил внимание на этот момент еще при раскопках Кайбельского могильника, но археологи в основном признали существования особого обряда обезвреживания погребенного в раннесредневековых могильниках степной и лесостепной зон Евразии только в 1990-е годы после серии публикаций С.А.Плетневой и В.С.Флерова. Для территории Среднего Поволжья наиболее четко этот обряд зафиксирован в памятниках новинковского типа (Сташенков, 1995; Матвеева, 1997. С.52-56), хотя необходимо отметить, что «разграбленные» погребения составляют значительную долю захоронений на всех без исключения могильниках раннеболгарского времени на территории Татарстана.

Еще Н.Я.Мерпертом была отмечена близость вещевого материала Кайбельского могильника комплексам салтово-маяцкой культуры. Материалы новых раскопок на территории распространения этой культуры только подтверждают этот вывод. Вместе с тем курганный обряд погребения в Кайбельском могильнике заставляет искать иные истоки для населения, оставившего данный могильник. На протяжении VIII в. ближайшими территориями, где совершались подкурганные захоронения кочевниками “праболгарского” или “хазарского” круга, были районы Нижнего Подонья, Нижней Волги, Волго-Донского междуречья, Самарской Луки и юга лесостепной зоны Ульяновской области. Причем и в донских, и в нижеволжских, и в ульяновских памятниках присутствует один совершенно не характерный для Кайбельского могильника признак – наличие подквадратного ровика вокруг кургана, отличен там и набор погребального инвентаря. Таким образом, исходя из современного объема знаний, которым мы располагаем, остается один исходный район возможной миграции – Самарская Лука. В поздних комплексах памятников новинковского типа, исследованных в этом районе, имеется достаточно представительный набор предметов “раннесалтовского” горизонта. Это серолощенные круговые кувшины, и стремена с выделенной в виде лопаточки петлей, и двусоставные удила с высокими пластинчатыми петлями и с S-овидными псалиями, поясная гарнитура, серьги, копоушка и т.п. Вполне возможно, что прекращение функционирования погребальных памятников на Самарской Луке и появление Кайбельского могильника – звенья одной цепи. Интересно, что в новинковских погребениях не сделано ни одной монетной находки. В нижеволжских и донских “хазарских” курганах монеты встречаются, но в основном византийские. Арабские монеты встречены в салтовских погребениях, особенно много их в захоронениях Нетайловского могильника. Конечно, в первую очередь, наличие византийских или арабских монет – хронологический признак, свидетельствующий об изменении внешнеполитических приоритетов Хазарии в середине VIII в. Причиной исчезновения новинковских памятников мог послужить поход арабского полководца Мервана 737 г., который, возможно, закончился в районе Среднего Поволжья. В таком случае уцелевшие от погрома и ушедшие дальше на север новинковцы могли послужить основой новой группы, оставившей погребения в Кайбельском могильнике. Найденная в детском погребении 2 кургана 7 серебрянная арабская монета 750-751 гг. может являться своеобразным отголоском арабского вторжения.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К., 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара.

Баранов И.А., 1990. Население крымской Хазарии (по материалам грунтовых могильников VII-X вв.) // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.

Валиулина С.И., 1996. Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тиганского и Больше-Тарханского могильников // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Герасимова М.М., 1956. Скелеты древних болгар у с.Кайбелы // Труды ИЭ. Новая серия. Т.XXXIII.

Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А., 2000. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала //Донская археология, 1 (6). Ростов н/Д.

Казakov Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.

Казakov Е.П., Халикова Е.А., 1981. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних болгар. Казань.

Каталог коллекций В.А.Городцова, 1988 // Наследие В.А.Городцова и проблемы современной археологии. Труды ГИМ. Вып.68. М.

Комар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. 2. Кив.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.

Мерперт Н.Я., 1957. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань.

Мерперт Н.Я., Смирнов А.П., 1954. Археологические исследования Куйбышевской экспедиции в 1953 г. // Вестник АН СССР. 4. М.

Мерперт Н.Я., Смирнов А.П., 1954а. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Плетнева С.А., 1994. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып.4. Симферополь.

Пьянков А.В., 2001. Раннесредневековый могильник у п.Ленинский Путь // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар-Анапа.

Смирнов А.П., 1954. Отчет Куйбышевской археологической экспедиции за 1953 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 815.

Сташенков Д.А., 1995. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Сташенков Д.А., 1997. Об одной группе раннесредневековых украшений Самаро-Симбирского Поволжья (серьги салтовского типа) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докладов. Самара.

Сташенков Д.А., 2001. Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшений костюма) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том 2. Самара.

Флеров В.С., 1989. Болгарские погребения Маяцкого могильника // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.

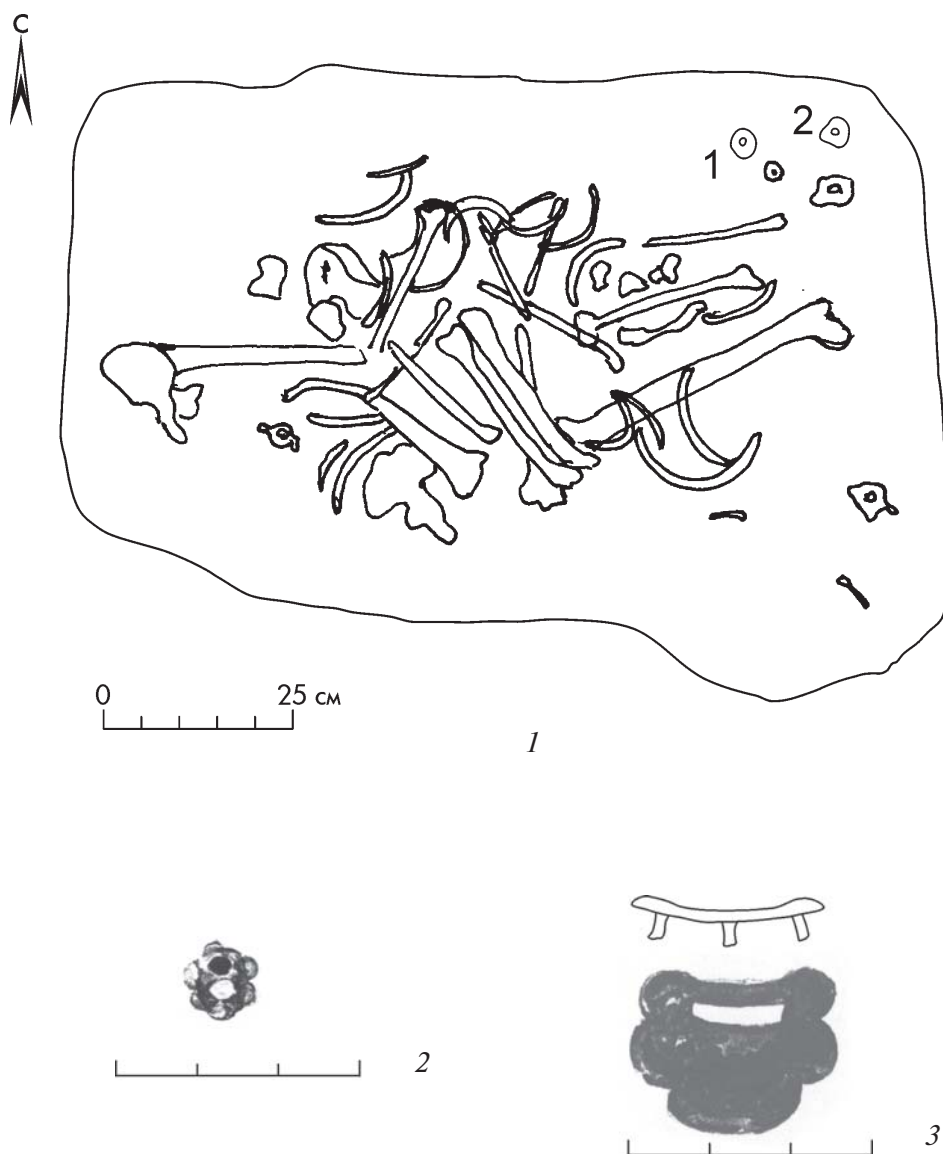

Рис.1. Кайбельский средневековый могильник, 1954 г. Курган 15, погр.1.
1 - план погребения; 2 - стеклянная бусина; 3 - медная накладка.

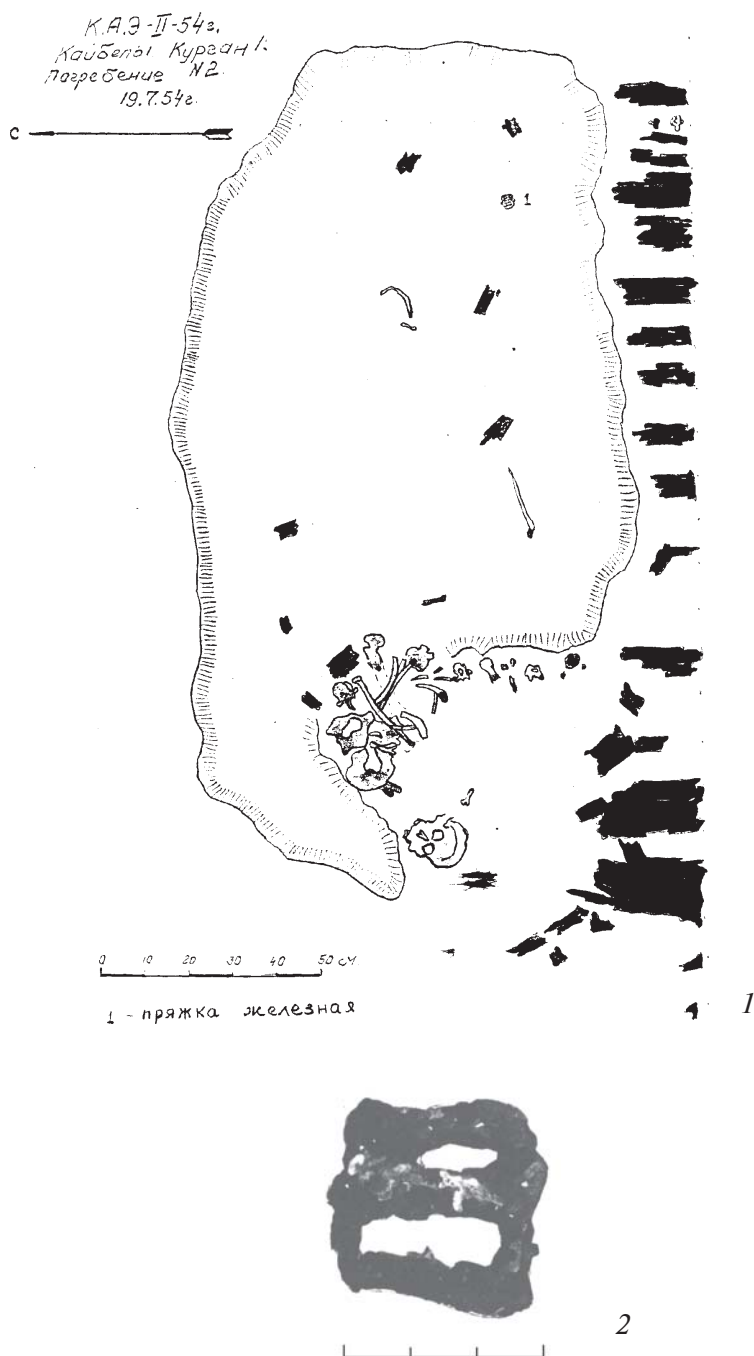

Рис.2. Кайбельский средневековый могильник, 1954 г. Курган 15, погр.2.
1 - план погребения; 2 - железная пряжка.

Рис.3. Кайбельский средневековый могильник, 1953 г. Курган 7, погр.4.

1- бронзовый поясной набор, курган 7, погр.4; 2 - бронзовые серьги, место находки не известно.

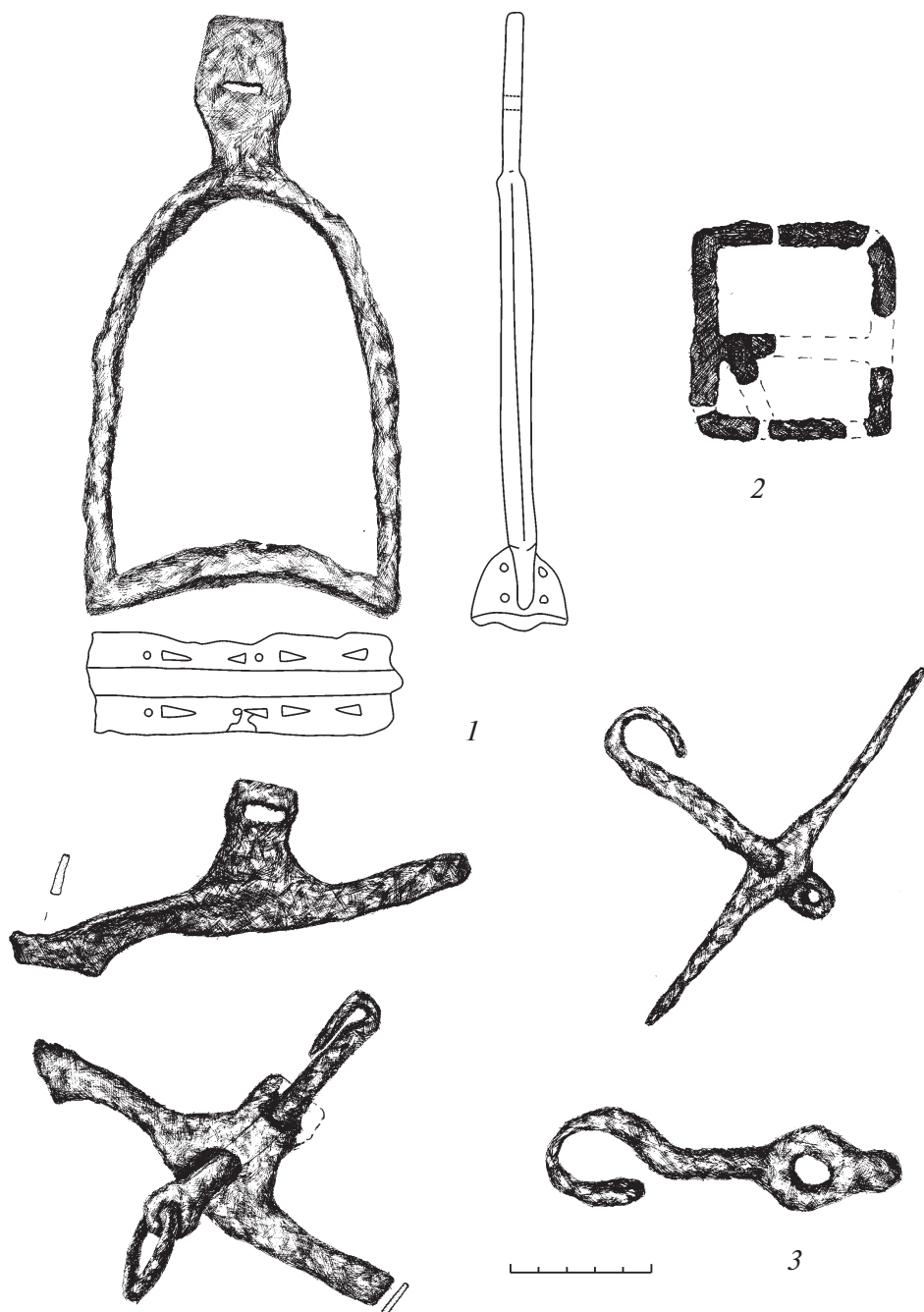

Рис.4. Кайбельский средневековый могильник, 1953 г. Курган 7, погр.4. Железные вещи из погребения.

1 - стремя; 2 - подпружная пряжка; 3 - удила.

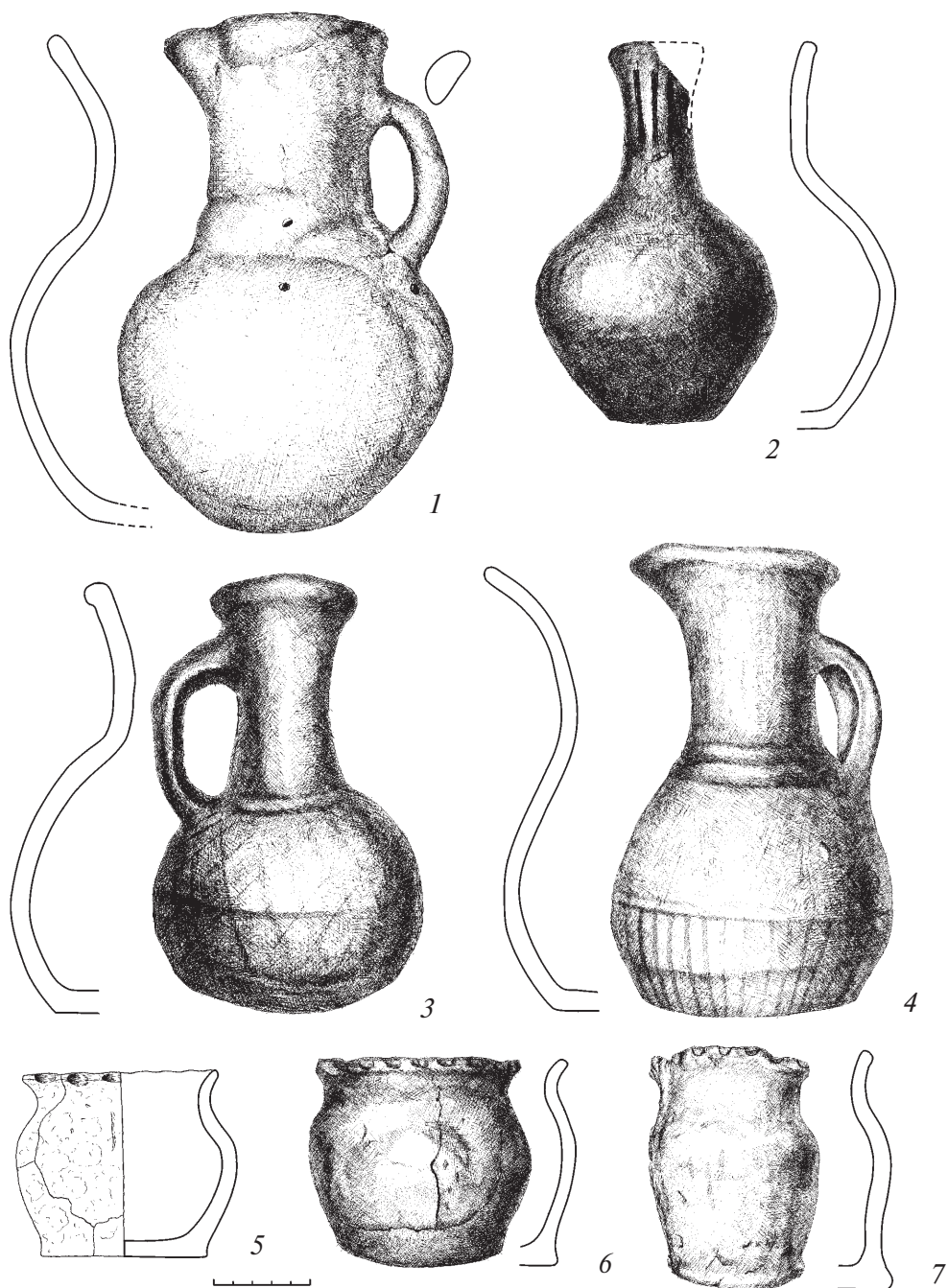

Рис.5. Кайбельский средневековый могильник, 1953 г.

1 - курган 1, насыпь; 2 - курган 3, погр.2; 3 - курган 7, погр.4; 4-7 - депортизированные погребения (3 - без масштаба; 4 - экспозиция УОКМ).